

2. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин ; сост. С. Г. Бочаров ; примеч. : С. С. Аверинцев, С. Г. Бочаров. – М. : Искусство, 1979. – 423 с.
3. Зонова, А. А. Диалог культур в романе Алины Бронски «Парк осколков» / А. А. Зонова // Вестн. Балт. федеральн. ун-та им. И. Канта. Серия «Филология, педагогика, психология». – 2016. – № 2. – С. 73–80.
4. Степанов, Ю. С. Константы : словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М. : Языкирусской-культуры, 1997. – 824 с.
5. Рубина, Д. Последний кабан из лесов Понтеведра / Дина Рубина // Рубина, Д. Коксинель. – М. : Изд-во «Э», 2016. – С. 319–509.

V.V. Nesteruk

Lomonosov Moscow State University Sevastopol Branch
e-mail: viky@ua.fm

The Language Issue in the novel “The Last Boar from the Pontevedra forests” by D. Rubina

Key words: dialogue of cultures, opposition “own – alien”, alienation, mother tongue, cultural barrier.

The article comprehends an attempt to solve the language problem within the framework of the dialogue of cultures on the pages of Dina Rubina's novel “The Last Boar from the Pontevedra Forests”. Special attention is paid to linguistic means of distancing and overcoming of alienation between representatives of different cultures.

УДК 81-119

Н.В. Односум

Национальный педагогический университет им. М.П. Драгоманова
e-mail: natalyaodnosum@gmail.com

Персонаж прозаического произведения как языковая личность (на примере образа князя Мышкина в романе Ф.М. Достоевского «Идиот»)

Ключевые слова: антропоцентрическая парадигма, языковая личность, монолог, речевая ситуация, князь Мышкин.

В статье рассматривается проявление персонажа прозаического художественного произведения как языковой личности на примере образа князя Мышкина в романе Ф.М. Достоевского «Идиот». Языковые проявления князя Мышкина выявляются и анализируются в монологической речи как одним из характерных способов выражения языковой личности.

Длительный период развития языкознания как науки внимание исследователей было замкнуто в рамках самого языка, его системы, что имело фундаментальное значение для понимания и представления о языке как о сложном явлении, включающем различные компоненты и элементы, имеющие определенные законы организации и взаимоотношения. Однако замкнутое изучение языка для самого себя, в отрыве от носителя имело отвлечённый характер, не приносило качественных результатов для человеческого общества, которое язык должен обслуживать, а не замыкаться в развитии собственной системы. Необходимость изучения языка в связи с его носителем – т.е. вернуть «руководящую роль» в функционировании языка говорящей личности, которая и является по сути творцом языковой системы, обусловила доминирование антропоцентрической парадигмы в лингвистической науке XX–XXI вв.

В рамках антропоцентрической парадигмы было разработано и обосновано понятие языковой личности, в частности в трудах В. В. Виноградова, Клода Ажежа, «Чело-

век говорящий» Ю.Н. Караулова «Русский язык и языковая личность» [5] и т.д. Для изучения проблемы языковой личности представляют ценность труды И. П. Зайцевой «Поэтика современного драматургического дискурса» [3], С.Г. Воркачева «Лингвокультурология, языковая, личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании», Е.В. Иванцевой [4], В.И. Карасика, М.П. Котюровой, Н.Н. Лавриновой и др.

Особый интерес для вышеперечисленных исследователей представляет феномен языковой личности в художественных текстах – особенности проявления персонажей художественных произведений, их личностных свойств в речи с помощью средств языковой системы на различных (фонетическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом и т. д.) уровнях.

Однако феномен языковой личности в художественных текстах все ещё остаётся недостаточно изученным, поскольку насчитывается значительное количество художественных произведений, персонажи которых являют ещё не исследованные уникальные образцы языковых проявлений, что и обусловило **актуальность** данного исследования.

Цель работы – анализ персонажа прозаического произведения как языковой личности на примере образа князя Мышкина в романе Ф.М. Достоевского «Идиот».

Поскольку монолог «прикрепляется к лицу», т.е. говорящий выступает воспроизводителем монолога, то именно монолог является одним из способов выражения языковой личности. «В большинстве случаев изображаемые писателями лица так или иначе реализуют свою речевую способность. Диалоги и монологи оставляют наиболее специфическое звено словесно-художественной образности. Они являются своего рода связующим звеном между миром произведения и его речевой тканью. Рассматриваемые как акты поведения и как средоточие мысли, чувства, воли персонажа, они принадлежат предметному слою произведения; взятые же со стороны словесной ткани, составляют феномен художественной речи» [5].

Важную роль в раскрытии психологической детали в характеристике героев в произведениях Достоевского являются монологи. Даже поверхностный анализ свидетельствует о значительной роли монологических фрагментов в речевом портрете князя Мышкина, причём достаточно часто монолог приносится в особой – с точки зрения эмоционального напряжения – ситуации. Рассмотрим речевые проявления князя Мышкина на примере одного из его монологов о приговорённом к смертной казни человеке, что даст нам более полное представление о центральном ключевом образе романа как языковой личности.

Данный монолог князя Мышкина, во-первых, абсолютно соответствует формальным признакам монологической речи, прежде всего, объёму текстового материала – он представлен весьма значительным по размеру отрезком текста, который занимает больше одной печатной страницы. Во-вторых, монологические высказывания состоят из структурно и содержательно связанных между собою конструкций, среди которых два ССЦ. Выделение двух ССЦ, на наш взгляд, является вполне правомерным, так как они выступают отдельными структурно и содержательно самостоятельными высказываниями и по сути автономными фрагментами. Первое ССЦ представлено коротким повествованием-размышлением об одном человеке, который просидел в тюрьме двенадцать лет. Второе ССЦ – повествование-размышление о человеке, который был взведён на эшафот. Смысловым и композиционным средством отделения первого ССЦ от второго и одновременно связывающим оба ССЦ является отступление самого произносящего монолог князя Мышкина: «*Но я вам лучше расскажу про другую мою встречу прошлого года с одним человеком*» [2]. И хотя данные два ССЦ разнятся содержанием (одно ССЦ – о человеке в тюрьме, а второе – о человеке, приговорённом к смертной казни), они объединены одной темой – темой ценности и красоты каждого мгновения жизни.

Данный монолог интересен прежде всего «мозаичным» характером – органичным соединением речевых фрагментов различного типа и свойства: эпизоды, в котором приговорённого ведут на казнь, прощания с товарищами, надевания на глаза приговорённых белых колпаков, впечатления от различных явлений, предметов, попадающих в их поле зрения (три столба в шагах двадцати от эшафота, священник с крестом, сверкающая на ярком солнце вершина собора с позолоченною крышей).

Интересной в монологе является также хронопическая составляющая – характер воплощения в произведении времени, который проявляется в своего рода «растягиваниях» и «сжиманиях». Например, когда говорящий повествует о цепочке событий, процессе протекания смертной казни, время сжимается, протекает «незаметно» (приговорённого ведут на эшафот, он прощается с товарищами и т.д.), хотя на эти события было потрачено пятнадцать минут из двадцати, выделенных на жизнь перед расстрелом. Ещё оставалось пять минут, которые приговорённый рассчитал, чтобы проститься с товарищами. И на последних двух минутах, которые были выделены на то, чтобы «подумать про себя», время растягивается и будто превращается в вечность. Эти две минуты «расширились» и вместили в себе всю жизнь приговорённого: он впервые осознал ценность, смысл и красоту каждого мгновения существования, как стоило прожить жизнь, если бы ему было возвращено право на неё.

Герой произносит монолог в присутствии жены генерала Епанчина Елизаветы Прокофьевой и его дочерей: Аделаиды, Александры и Аглаи. Довольно часто в обеих формах речи могут совмещаться одновременно черты и монолога, и диалога. Любому монологу свойственна потенциальная «диалогизированность» [3]. Смысл высказывания, обращённого к нескольким участникам речи – Елизавете Прокофьевой, Аделаиде, Александре и Аглае, тяготеет к обобщению и таким образом приобретает характерные свойства монолога. Сначала князь Мышкин ведет активный полилог на тему философии жизни с Елизаветой Прокофьевной, Аделаидой и Аглаей, и в данном случае прослеживается усиленное внимание говорящего к адресатам общения, он активно полемизирует с Епанчиными, при этом подключаются средства эмоционально-экспрессивной оценки содержания коммуникации адресата и адресанта – например, смех Аделаиды и князя Мышкина и эмоциональная реакция Аглаи на слова Мышкина о том, что он может быть счастливым (Аглая «вскричала», Аделаида «смеялась», «смеялся и князь»).

Монолог князя Мышкина выступает вначале в качестве реплики-ответа полилога с Аглаей и Аделаидой, в частности – следующая фраза: *«Насчёт жизни в тюрьме можно ещё и не согласиться, — сказал князь»*. Здесь всё ещё проявляется явная реакция на конкретных адресатов, как в диалоге и монологе, но постепенно, по мере того как князь Мышкин углубляется в размышления, смысл содержания тяготеет к обобщённости, приобретая при этом характерные свойства монолога, ослабевает внимание к конкретному адресату, прослеживается стремление говорящего «выйти за рамки» конкретной речевой ситуации, в результате чего «ответственность за выполнение коммуникации» перекладывается адресатом на самого себя [3]. Это обусловлено тем, что субъект речи – князь Мышкин – из пространства конкретной речевой ситуации, в которой он на данный момент пребывает (в доме генерала Епанчина, в обществе Елизаветы Прокофьевой, Аглаи, Александры и Аделаиды), перемещается в иную пространственно-временную сферу – в действия, которые происходили в прошлом с двумя людьми, углубляется в размышления. Князь Мышкин разыгрывает роль второго героя, которого взвели на эшафот, в чём проявляются черты театрализации монологизированной речи. Но князь не просто играет роль – он идентифицируется с этим человеком, «присваивает» себе его мысли, действия и переживания: **его** взводят на эшафот, **ему** читают смертный приговор, **на него** надевают смертный костюм, **он** испытывает терзания бли-

зости смерти, страха перед неизвестностью и «вот этого нового, которое будет и сейчас наступит», при этом теряя связь с конкретной речевой действительностью.

Также часто монолог героя – эторечевое сопровождение его «ухода» в самого себя, в глубины своей духовной жизни, выражение внутреннего «я», нередко совсем не похожего на «я» внешнее. Абстрагировавшись от конкретной речевой действительности, герой поднимается «над» ней и облекает в слова то, что происходит у него в душе. И действительно князь Мышкин, как уже сказано выше, выражал переживания и мысли не только героя, о котором повествовал, – это были и его переживания, мысли, исходящие из глубины души, о чём свидетельствует грация эмоциональности в его речи, по мере того как он углублялся в повествование. В подобных монологах, встречающихся в романе, князь Мышкин выражает внутреннее «я», которое в определённой мере отличается от «я» внешнего. На первый взгляд, у всех имеющих какие-либо отношения с князем Мышкиным, складывается впечатление о нём как о человеке нерешительном, нервном, слабом, робком, незащищённом от жестокого мира, который противоречил внутреннему миру центрального персонажа с его жизненной установкой на высшие ценности добра, истины, красоты. Нерешительность, робость сказываются как во внешнем поведении героя, так и в его речи.

Парадоксальность поведения и речи князя Мышкина заключается в том, что нерешительным, «извиняющимся» тоном он произносит проникающие в сердце истины. В одном из диалогов князь Мышкин робким голосом утверждает смелую мысль о том, что «он умнее всех жизнь проживёт». Кажется, что и нерешительность его нарочитая, и этой нерешительностью князь достигает цели – сердец слушающих – лучше, чем если бы он произнес их уверенным тоном. Нерешительность формирует представление о князе Мышкине как о человеке душевно и духовно чистом, ранимом, а его речи благодаря этому кажутся искренними и оказывают влияние на всех, кто имеет дело с князем Мышкиным.

В рассматриваемом монологе князь Мышкин уходит в самого себя, в глубокие размышления и благодаря им возвышается над конкретной речевой ситуацией, над обыденностью и над самим собой – над своим внешним нерешительным и робким «я»: его речь приобретает убедительность, силу. Вероятно, такое сочетание нерешительности с силой слова и мысли подчёркивают его сущность как христологического персонажа.

Болезнь князя имеет символическое значение. В припадке эпилепсии князь Мышкин видел высшее начало и слияние с ним давало «проблески высших самосознания и самоощущения», познание истины, которую необходимо донести миру. Мышкин доносит людям истину, после чего снова впадает в состояние безумия, что напоминает вознесение Иисуса Христа после проповеди вечного закона любви и спасения людей. Таким образом, припадки эпилепсии и безумие князя Мышкина – аллюзия на Царство Божье. Поэтому князь Мышкин, пребывая в определённый момент в конкретной речевой ситуации, в живом взаимодействии с реальными людьми, ощущает себя неловко, «не на своём месте», «чужим», «не от мира сего», что и вызывает соответствующие поведенческие черты (нерешительность, незащищённость, робость); но как только Мышкин начинает «проповедовать» и уходит в «мир истин» – в иную, близкую и естественную для него речевую ситуацию и абстрактную, «потустороннюю», действительность, когда стираются перед глазами конкретная речевая ситуация, реальные люди, всё «мирское», что является для Мышкина чужим, из невзрачного «маленького человека» он превращается в влиятельного философа-оратора, проповедника.

Обобщая результаты анализа рассматриваемого монолога, можно сказать, что для раскрытия внутреннего мира персонажа (причём и говорящего, и того субъекта, о котором идёт речь в высказывании) используется чередование разных типов и видов монологической речи: *монолога эпического (событийного)*, в котором говорящий повествует о жизни человека в тюрьме и о подробностях протекания смертной казни; *монолога ли-*

рического, сосредоточенного на эмоциональном состоянии субъекта речи. Рассматриваемый монолог, начавшись как явно *обращённый* (как ответ на прозвучавшие реплики Аглаи и Аделаиды), по мере развёртывания всё более дистанцируется от конкретных слушателей (в тексте обнаруживается всё меньше лингвистических сигналов, об этом свидетельствующих), превращаясь в собственно размышления персонажа, то есть в монолог *уединённого типа*, и соответственно расширяется и углубляется психологическая составляющая монологического текста.

Таким образом, монологические речи раскрывают нам образ князя Мышкина с иной стороны, являются одним из главных средств выражения его второго «я», которое отличается от «я» внешнего – нерешительного и вызывающего смех и пренебрежение со стороны тех, кто впервые его видит, – как призванного пророка и проповедника общечеловеческих ценностей истины, добра и красоты в царстве пороков и зла.

Литература

1. Достоевский, Ф. М. Идиот // Достоевский, Ф. М. Собрание сочинений : В 10 т. – Т. 6. – М. : Художественная литература, 1960. – 736 с.
2. Зайцева, И.П. Поэтика современного драматургического дискурса: монография / И.П. Зайцева. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Луганск : Альма-матер, 2007. – 332 с.
3. Иванцова, Е. В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования / Е. В. Иванцова // Вестник Томского государственного университета. – Томск : ТГУ, 2010. – № 4 (12). – С. 24–32.
4. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Изд. 7-е. – М. : Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
5. Хализев, В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. – М. : Высшая школа, 1999. – 240 с.

N.V. Odnosum

National Pedagogical Dragomanov University

e-mail: natalyaodnosum@gmail.com

The character of the prose work as a linguistic personality (on the example of Prince Myshkin's image from the novel "Idiot" by F.M. Dostoevsky)

Key words: anthropocentric paradigm, language personality, monologue, speech situation, Prince Myshkin.

The article considers the features of the character of the prosaic art work as a linguistic personality on the example of the image of Prince Myshkin from the novel «Idiot» by F. M. Dostoevsky. Language features of Prince Myshkin are identified and analyzed in monologic speech as one of the characteristic ways of expressing of linguistic personality.

УДК 821.161.1-31.09+929Набоков

М.А. Турбина

ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко»

e-mail: marina12011@yandex.ua

Интертекстуальные связи в романе В.В. Набокова «Лолита» (на материале творчества Ш. Бодлера и И. Гёте)

Ключевые слова: интертекст, интертекстуальные связи, интертекстуальность, перевод, прототекст.